

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беляков О. О. Впровадження ідей Болонського процесу: чого бракує Україні? / О. О. Беляков // Вчені записки університету "КРОК". — 2008. — Вип. 18. — Т. 1. — С. 50-58.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. — М. : Айрис - Пресс , 2002. — С.57-58.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. К. А. Сергеев. — М. : Мысль , 1977. — 345 с.
4. Гулыга А. В. Философская антропология Вильгельма фон Гумбольдта // Вопросы философии. — 1985. — № 4 — 255 с.
5. Коменский Я. А. Великая дидактика. Избр. пед. соч. / Я. А. Коменский. — М. : Учпедгиз , 1955. — 285 с.
6. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизации / К. Лоренц // Вопросы философии. — 1992. — №3. — С. 40-42.
7. Песталоцци И. Г. Общие основы педагогики / И. Г. Песталоцци. — М. : Просвещение , 1947. — С.95.
8. Тоффлер А. Футурошок / Алвин Тоффлер ; пер. С англ. Г. Х. Шахназаров. — СПб. : Лань , 1997. — 341 с.
9. Toffler A. "The Ego-Spasm Report" — N-Y — 1975 — 345 p.
10. Хижняк З. І. Історія Києво-Могилянської академії / З. І. Хижняк, В. К. Маньківський. — К. : «КМ Академія», 2003 , С. 18-33.
11. Циолковский К. Э. Живая Вселенная / К. Э. Циолковский // Вопросы философии.— 1992. — № 6. — С. 148-154.

Калёнова Е.О. – аспірантка кафедри філософії та соціології ГУ «ЮНПУ імені К.Д. Ушинського»

УДК: 140.8:316.6

НОВОЕ ВАРВАРСТВО КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается новое социальное явление – вторичное варварство, или неоварварство, которое символизирует собой углубляющийся кризис и цивилизационный надлом современного общества в целом. Исследуется социокультурный тип неоварвара, затрагивается проблема исторического сознания и необходимости «включенности в историю» для сохранения человеческой сущности.

Ключевые слова: цивилизация, неоварварство, вторичное варварство, социальная деградация, историческое сознание

В статті розглядається нове соціальне явище – вторинне варварство, або неоварварство, яке символізує собою кризу та цивілізаційний надлом суспільства у цілому. Досліджується соціокультурний тип неоварвара, проблема історичної свідомості та необхідність «включення до історії» задля зберегання людської сутності.

Ключові слова: цивілізація, неоварварство, вторинне варварство, соціальна деградація, історична свідомість.

The article introduces the new social phenomenon of post-primary barbarianism, or neobarbarianism, which symbolizes the further deepening of the crisis and civilizational breakdown of modern society in general. The sociocultural type of a neobarbarian is studied as well as the problem of historical consciousness, the necessity of "being engaged" into history for the human essence to be maintained.

Key words: civilization, neobarbarianism, post-primary barbarianism, social degradation, historical consciousness.

В нынешних условиях распространения идеологии глобализации происходит размывание традиционных ценностей общества, статус человека приобретает черты зыбкости и неопределенности, культурные и социальные смыслы дестабилизируются и рискуют раствориться в риторике о будущем. Говоря словами М. Мамардашвили, свершается «антропологическая катастрофа», когда человек сознательно отказывается от усилия осмысления себя и собственной

жизни, и модус «казаться» оказывается неотличимым от модуса «быть», ведь для этого достаточно симулировать включенность в социальную действительность посредством создания симулятивных пространств личности.

Угрозы утраты человека проявляют себя и внешне, и внутренне: унифицирующееся общество вынуждает индивида предаваться все большей симуляции социальной адекватности, создавая пространство социальных симулякров (Бодрийяр). В конечном счете, утрачивая чувство связи с реальностью, вместе с тем, оказавшись в состоянии духовного сиротства, человек лишается внутренних нравственных ориентиров, становясь социальным винтиком современной идеологии. Отныне смыслы формируются не самим человеком, – а преподносятся в готовом виде извне, и в ситуации отказа от самостоятельного выбора себя, это чревато опасными последствиями для личности и общества в целом. Совсем не невозможным видится приход нового «латентного» тоталитаризма – под личиной демократических лозунгов.

После крушения империи СССР на постсоветском пространстве произошла очередная антропологическая катастрофа, результатом которой стали процессы искажения (сознательного и невольного) исторической памяти, исторический нигилизм (отчасти связанный с политическим пессимизмом), аномизация общества в связи с яркой пропагандой неолиберальной рыночной идеологии, возник феномен национального сиротства и оставленности, углубились комплексы национальной неполноценности и неприспособленности. Как оказалось, вместе с водой выплеснули и младенца – историческую память, которую, какой бы ни была история, необходимо сберечь, чтобы не быть начисто сметенными с лица глобальной истории человечества.

Несмотря на прогнозы теоретиков постмодернистской философии о конце истории, параллельно в мире идут процессы национального возрождения, на высшем политическом уровне лидеры государств открыто заявляют о провале идеи мультикультурализма, ведутся дискуссии о возможном возврате к идее национального государства в противовес идее мира как «глобальной деревни».

Тем не менее, несмотря на победное шествие техногенной цивилизации, в современном обществе присутствуют также элементы архаичные. Некоторые исследователи прогнозируют возможное перерождение глобалистских деклараций о модернизации – в неоархаизацию и даже варваризацию общества, предугадывая рождение нового социального типа – неоварвара, причем вооруженного всеми приспособлениями породившей его техногенной цивилизации. Новый варвар – это вполне цивилизованный человек, который, пользуясь всеми благами научно-технического прогресса, тем не менее, остаётся дикарем в культурном смысле в ситуации как сознательного, так и невольного отказа от высших образцов культурного наследия человечества. Неоварвар существует вне пространства культуры: будучи лишь потребителем культуры, он, тем не менее, не имеет ключей к расшифровке её кодов, оставаясь случайным и отстраненным «туристом» (З. Бауман).

Более того, в ситуации постмодернистского устранения границ, глубины, иерархии, когда становится возможным лишь скольжение по поверхности, само существование смыслов подвергается сомнению, всякое мнение объявляется одинаково ценным, «имеющим право на жизнь», а культура как сакральный шифр духовной природы человека становится лишь придатком властвующей идеологии рынка.

Происходит определенная де-онтологизация культурных смыслов – и их перенос в сферу игры причудливых интерпретаций и конструктивного воображения субъекта, который, в свою очередь, является такой же фантазией-симулякром, лишенным всяческой бытийственности и исторической укорененности в ткани времени.

Некоторые аналитики глобализации – такие, например, как А. Панарин, прямо связывают распространение идеологии глобализации с попутным целенаправленным процессом архаизации жизни большинства народов тех стран, которым уготована роль периферии. Также, Панарин называет подобное явление «паразитирующим» или «привилегированным глобализмом», который, выживая «за счет демодернизации и примитивизации жизни народов, составляет главный вызов XXI века» [11, с. 27].

На наш взгляд, процессы, происходящие в современном обществе, указывают на симптомы, грозящие перерасти в картину серьёзной болезни нашей социальной реальности. Независимо от того, рассматриваем ли мы историю как линейный процесс, или же предполагаем цикличность истории, придерживаемся ли идеи вечного возвращения, либо наследуем гегелевскую традицию спиралевидного прогрессивного развития, в центре всех изменений и трансформаций будет общество как социальная система. Тем не менее, общество само по себе не существует вне человека как

некоторой монады, включенной в связанную сеть других монад, пользуясь в данном случае языком Лейбница. Следовательно, нашим главным интересом и объектом исследования является человек в его социальных пластах и ипостасях – как в предельной субъектности, так и в ситуациях, предполагающих вынужденную объектность индивидуума в силовом поле социального как надчеловеческого. Меняется общество, меняются и люди – происходит смена умонастроений, смена ментальных и, следовательно, нравственных установок, меняются аксиологические ориентиры и, говоря языком синергетики, смысловые аттракторы.

Английский философ, приверженец теории локальных цивилизаций, А. Тойнби в своем монументальном труде «Постижение истории», полагал, что отчуждение пассивного большинства от творческого меньшинства является проявлением начала распада цивилизации как устойчивого социального тела. Резко противопоставляя цивилизацию и варварские отряды, Тойнби показал, что со временем, утрачивая способность и порыв к творчеству, правящее меньшинство уже не в состоянии выступать в роли связующей силы социума. Постепенно деградируя, это бывшее активное меньшинство деградирует, становясь неспособным давать творческие ответы на вызовы, все чаще прибегая к насилию.

В поисках глубинных причин надлома и дальнейшего распада цивилизации, по мнению Тойнби, следует усмотреть такие, которые исходят из «самых глубин социального тела», при этом, фундаментальный источник этого процесса кроется внутри общественного организма, а не за его пределами: «Основной критерий и фундаментальная причина надломов цивилизаций – внутренний взрыв, через который общество утрачивает свойство самодетерминации» [1, с. 336]. Далее Тойнби в качестве следов внутреннего взрыва отличает вертикальные и горизонтальные трещины общества. В случае «вертикальных трещин» общество дробится на ряд локальных, воюющих друг с другом государств, порождая серию враждующих местных общин. В случае горизонтальных трещин «правлящее меньшинство утратило способность и право быть лидером, так как оно растратило творческую энергию и созидательный порыв», что, в конечном счете, раскалывает общество на три социальные группы: «доминирующее меньшинство, внутренний и внешний пролетариат» [1, с. 337]. Всякий коллективный опыт человечества, в том числе и его распад – явление внешнее, по утверждению Тойнби, но несмотря на это, истинный эпицентр подобного раскола – человеческая душа [1, с. 358]. На наш взгляд, концептуальные формулировки английского философа истории вполне релевантны для современного исследователя в попытках уловить тревожные симптомы надлома современной цивилизации.

Кроме того, Тойнби утверждает, что во время надлома общества по горизонтали и по вертикали деградация правящей верхушки сопровождается сращением с «внутренним пролетариатом», а в итоге – полной варваризацией самого меньшинства, призванного быть своеобразным «авангардом». Тойнби отмечает, что «социальная катастрофа» – прорыв варварских отрядов через границы – обычная судьба универсальных государств. В стремлении защититься, они устанавливают границы – географические, политические, социальные, однако, само установление подобных границ «включает в игру социальные силы, обрекающие создателей на поражение». Распадаясь, цивилизация перестает быть целым, и «причина надлома – невозможность самодетерминации, в результате чего возникает потеря внутреннего единства, гармонии и пропорциональности» [1, с. 355]. Одним из существенных факторов распада цивилизации является также состояние рассогласованности элементов цивилизации, расщепление интегральной культуры, варваризация искусства и языка. Углубляясь в анализ причин надлома, Тойнби выделяет три элемента «социального излучения» – политику, культуру и экономику, причем по мере распада цивилизации «характер общества ... все больше смещается в сторону чисто экономического развития». Как правило, в процессе распада цивилизационной соединительной ткани, параллельно происходит упадок нормативного влияния культуры. В конечном итоге, по мнению исследователя, рост экономического могущества сопровождается «потерей нравственной силы распадающегося общества».

У Тойнби речь идет о внешних по отношению к цивилизации варварских отрядах, по своему определению находящихся на границах цивилизации и противоборствующих с ней. Нам представляется целесообразным отметить, что варварские или цивилизационные тенденции не являются чем-то внешним по отношению к социуму, но, по всей видимости, эти тенденции заложены потенциально в самой ткани социального как такового. Какова бы ни была цивилизация по степени своей развитости, в ней присутствуют различные элементы более раннего исторического развития общества, и ничто «прошрое» и «пройденное» ей не чуждо, и нет никаких гарантий и завоеванных раз навсегда высот прогресса. Другое дело, что по мере развития и выработки своего стиля,

цивилизация как высокоорганизованное человеческое общество маркирует как приемлемое или неприемлемое сами способы осуществления социального взаимодействия, как внутри социальных групп, так и между ними. Своеобразный социальный этос как норма поведения и адекватного реагирования на вызовы социальной среды вырабатывается в ходе развития общественных структур и институтов общества и по мере накопления социального опыта индивидов.

По замечанию Тойнби, по мере роста цивилизаций углубляется их дифференциация, но по мере распада увеличивается степень их стремления к стандартизации. [1, с. 338] Стандартизация, с одной стороны, облегчает коммуникацию внутри разнородного по своей сути социума, постепенно сводя её к формальному обмену знаками социальной адекватности. С другой стороны стандартизация по принципу равенства легко обращается в стандартизацию по принципу уравниловки и стирания уникальных самобытных проявлений в социуме, что неизбежно редуцирует человеческое общество в «человекийн».

Наряду со стандартизацией неизбежно существует такое явление как творчество, которое всегда связывалось с нешаблонностью мышления, со способностью преодолеть императивность правила, канона, традиции, с желанием выйти за границы и пределы, при этом, как бы это ни казалось парадоксально, возвращаться к истокам, к единому полю коллективного опыта.

Человечество вступило в постиндустриальную эпоху, и человеку отводится скромное место потребителя в обществе «высоких скоростей». Сегодня «мы живем в мире теней, симуляции и пустоты. Никто не успевает воздействовать на самого себя. Ведь воздействовать на самого себя мы можем только во времени при малых скоростях событийной жизни. А если нет воздействия на себя, то нет и того, что могло бы называться нашей субъективностью. Антропологическая катастрофа лишает нас субъективности, превращая её в нечто виртуальное»[6, с. 41].

На сцену социального театра выходят различные персонажи, в иные времена будучи не столь заметными и не оказывающие какого-нибудь значительного влияния на общественные процессы. Многие аналитики обеспокоены тем, что процессы разрушения старой системы общественных отношений не столько предвещают рождение нового, обновлено-модернизированного варианта, сколько могут означать «начало конца» распада системы и скатывания на более низкие уровни социальной организации.

Налицо падение стандартов социальной связи и взаимодействия, в обществе нарастает отчуждение, причем во всех сферах – от политической и -экономической до культурной и социально-психологической, на всех уровнях – от общественного до личностного. По утверждению Тойнби, отчуждение между утратившим творческую активность меньшинством и нетворческим большинством как раз знаменует собой момент надлома цивилизации и её неизбежную последующую гибель в случае неспособности подготовить оптимальный ответ на вызовы эпохи.

Возникает опасность разрыва традиции как позитивного инструмента передачи культурного наследия последующим поколениям, конфликт отцов и детей не только не смягчился, а достигает определенного пика. И в таких условиях постоянной переоценки ценностей, социальной дезадаптации и растерянности большинства групп в обществе, история как ткань культуры, на которой выступают различные узоры, является той нитью Ариадны, способной вывести заблудившееся в причудливых лабиринтах глобализирующегося мира человечество на новый уровень осмысления себя и своей истории, а, следовательно, и своей миссии. Забвение истории не проходит бесследно. Отказ от истории означает отказ от себя, от своего истока, а значит и отказ от своих высших целей. Можно наблюдать проявление крайнего исторического нигилизма и невовлеченности в судьбы своей родины не только у людей, далеких от «философских» вопросов, но и у тех, кто по роду своих занятий призван размышлять и осмысливать предназначение человека и пути нашего общества. Вместо подлинных культурных ценностей массы довольствуются эрзацем и подделками, вместо творчества – потребительство, вместо активной гражданской позиции – пассивная покорность, чаще всего даже неосознаваемая, вместо активизма – конформизм и соглашательство с любым режимом, и, в конечном итоге, с насилием. Своего рода «усталость» охватила умы, отчаяние от собственного бессилия, от несоответствия навязанным извне программам поведения подтачивает последние основания свободы человека. Многие нынче готовы отказаться от свободы ради доступа к призрачным материальным благам, ради банального мещанского существования «как все», не поднимаясь выше обеспечения «базовых потребностей».

Человек, не выдерживая груза истории, впадает в апатию и ступор перед необходимостью осмысления истории. Историческое сознание современного человека претерпевает изменения, которые не в силах охватить всю глыбу накопленного исторического материала. Человек – существо

безусловно конечное и временное, и именно поэтому пребывает в истории, и именно поэтому является по своей сути существом историческим, обладающим сознанием, которое, по своей сути исторично. Сознание человека исторично, так как вплетено в ткань времени.

«Восстание масс» продолжается, и новый «человек без свойств», вернее, обесчеловеченный различными технологиями манипуляции и брошенный в своем социальном сиротстве индивид, не обременяя себя какими бы то ни было осмыслением и размышлением над собой и своей судьбой, проявляется во все большем количестве в своей оторванности от почвы и корней, от судьбы своей семьи и народа, и, в конечном счете, от всей истории человечества в целом. Как писал Н. Бердяев, в человеке «заключены все исторические эпохи прошлого, и этот человек не может в себе задавить пластами времени и ближайшей исторической жизни..Этот процесс внутреннего просветления и внутреннего углубления должен привести к тому, что через эти пласты человек прорвется внутрь, потому что идти в глубь времен значит идти в глубь самого себя» [10, с. 54]. Самые зоркие умы человечества, философы, не единожды предупреждали, что мир, в том числе и социальный, хрупок, и его опора – «самостоянье человека – залог величия его» (А. С. Пушкин).

Г. Федотов писал о необходимости очищения, о необходимости освобождения от власти бредовых идей, «следить за своим душевным и духовным здоровьем, бороться с безумием, подстерегающим людей, слишком долго и безнадежно страдавших». О каком безумии говорит философ? О безумии забвения себя, утраты исторической памяти, «непамятования о смерти», в конце концов, что, по словам древнегреческого философа, первый шаг к философствованию. Увы, несмотря на тревоги философов, общество не смогло внять их увещаниям, и XX век преподнес немало изломов истории, и трагедии целых народов стали реальностью. Проект Просвещения, как принято говорить, потерпел неудачу, – надеяться на разум стало слишком опасно, ибо ничем не укрощенный разум способен, как выяснилось позднее, на большие преступления против идеи человечности. Человек, осознавая себя венцом творения и разумным существом, бойко осваивает планету, создает новые технологии, летает в космос. Завоевания и успехи эпохи НТР очевидны, и вряд ли кто-нибудь осмелится отрицать очевидное. Тем не менее, с победным шествием технологии и науки оказалось не по пути самому существу человека, и основные его бытийственные стропила затрещали, грозясь развалиться, под грузом непосильных проблем. Человек стал проблемой для самого себя, более того, он стал самому себе обузой на пути к «светлому будущему» под вывеской новых технологий и лозунгов глобализма.

Во времена осмысления октябрьского переворота 1917 года, писатели сборника «Вехи» пытались понять, как смогла произойти социальная катастрофа, как случилось так, что «Хам Грядущий» оказался таким близким, а вовсе недалеким, оказалось, что этот хам, возможно, есть в каждом из нас. Д. Мережковский, анализируя ситуацию начал XX века, предвидел трагедию русской интеллигенции, которая очутилась между двумя жерновами – «гнетом сверху, самодержавного строя, и гнетом снизу, темной народной стихии» [9, с. 33]. Вглядываясь в сегодняшние реалии, можно увидеть, как вымывается в перипетиях надлома эпохи слой интеллигенции, заменяется тонкой прослойкой интеллектуалов, «просвещенных варваров».

Сегодня многие ученые и обществоведы отмечают падение общего уровня социальной жизни – начиная от экономических недомоганий общества до падения культурного и образовательного уровней в целом. И ранее говорилось о процессах варваризации и «бестиализации» (Г. Федотов, Н. Бердяев) и появления такого типа человека, который, непонятно откуда взявшись, словно инопланетянин, не вписан ни в культурные коды, ни в ценностные парадигмы народа, из которого он вышел, – «без роду, без племени» – однако, эта чуждость несколько ему не мешает пользоваться всеми благами и достижениями человеческой цивилизации на уровне потребителя и обывателя.

Статус потребителя в данном случае вполне самодостаточен, и отсылает нас в новую систему координат постиндустриального общества потребления. Французский философ Ж. Бодрийяр пишет о том, что акты потребления теперь угодно интерпретировать как акты достижения – одним словом, «ты – то, что ты потребляешь», то есть человек отождествляется с объектами своего потребления. В акте потребления осуществляется самообъективация – самовыворачивание наизнанку, одним словом – овнешнение человека и его ложное отождествление с внешним, случайным, сиюминутным. Как ни странно, современная демократия по самому своему существу благоприятствует распространению подобного типа приспособленца-потребителя, создавая шаблоны социальности в задекларированном стремлении к формальному равенству по количественному признаку.

В контексте конкретного исследования, рассмотрим новый – а возможно, он и не совсем новый – социальный тип. Ортега и-Гассет посвятил проблеме дегуманизации искусства один из своих самых

влиятельных трудов, считая процесс дегуманизации симптомом отчуждения человека от самого себя. В другой своей работе «Восстание масс», рассматривая «анатомию массового человека», Ортега-и-Гассет рисует психологический портрет «современной черни», сравнивая этот тип с «избалованным ребенком»: «человек, о котором ведется речь, приучен не считаться ни с кем, кроме себя», «какой ни на есть, доволен собой» [4, с. 76]. Далее Ортега буквально с горечью констатирует факт «абсурдного состояния человека», при небывалой доселе возможности увидеть и мир, и жизнь «распахнутым настежь», «душа заурядного человека закрылась наглухо» [4, с. 79]. Испанский философ называет это явление «герметизмом сознания», которое неизбежно приводит в конечном итоге к насилию и «прямому действию» масс. По мнению Ортеги, «цивилизация – это прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. Одичание – процесс разобщения» [4, с. 85]. Особенный трагизм положения человека состоит в том, что «крах терпит сам человек, уже не способный поспевать за своей цивилизацией» [4, с. 94]. Философ провидчески отмечает разрыв связи времен по причине утраты исторической культуры и видит в этом неизбежный симптом отката к варварству. Ортега резюмирует возможные пути спасения Европы как символа цивилизации, видя главенствующую роль в деле спасения в тех людях, которые «слышат подземный гул истории, видят реальную жизнь в её полный рост и отвергают саму возможность архаизма и одичания» [4, с. 98]. Процесс деградации социальной и культурной жизни выражен определенным типом субъекта – «человека – массы», серой посредственности, о котором Ортега говорит, «что он распоясался, что он требует развлечений, что он решительно заявляет свою волю, что он отказывается кому-либо помогать или служить, никого не хочет слушаться, что он полон забот о себе самом, своих развлечениях, своей одежде... Если эта порода людей будет хозяйничать в Европе, через каких-нибудь 30 лет Европа вернется к варварству» [5, с. 125-133]. Преобладающее распространение и выделение на авансцену социальной жизни подобного социокультурного типа во всех сферах социального бытия испанский философ называет явлением «восстания масс».

То, что А. Тойнби называет «внутренним пролетариатом», Х. Ортега-и-Гассет «массовым человеком», Э. Каннети «человеком-толпой», М. Хайдеггер модусом *das man*, по всей видимости не является радикально новым явлением социальной реальности. Новое, по мнению Ортеги-и-Гассета, является само возникновение массы как социальной силы, под которой понимается «не социальная принадлежность, а тот человеческий склад и образ жизни, который сегодня преобладает и господствует во всех слоях общества, сверху донизу, и потому олицетворяет собой наше время» [4, с. 106].

В современной ситуации принципиально новым является тип воспроизводства социальной взаимосвязи и взаимодействия, и соответственно, самого способа включенности индивида в социум по определенным, заданным извне, правилами игры. Общество стало массовым, информационные технологии сетями пронизывают повседневную жизнь каждого человека, существенно трансформируя сам характер социальной реальности, а значит и сознание человека, пытающегося найти в ней свою нишу.

Российский исследователь С. Кара-Мурза считает, что в современных условиях имеет место феномен вторичного, или нового варварства, что ставит под угрозу дальнейшее существование «цивилизованного мира». [3, с. 22]. Конечно, явление социальной деградации предугадывалось мыслителями прошлого, но никогда ранее не было такого рокового сочетания массовости и технических возможностей технократического общества, в котором преобладающим типом был бы новый варвар.

Новый, или же «вторичный» варвар – человек массового сознания, неиндивидуализирован на высшем уровне, в основном воспроизводит наиболее употребимые модели массового поведения и является лишь пассивным потребителем благ цивилизации. В такой ситуации перманентного «забвения себя» человек теряет субъектность, прежде всего сам для себя, в силу своего экзистенциального безволия и неосознанного разрешения себе стать таким отчужденным, объектным – внешним, поверхностным, «каким есть», то есть полупустым и плоским. Субъектность выворачивается вовне, и внешнее становится определяющим по отношению к внутреннему – которое мельчает, опустошаясь в тенденции поверхностности. Действительно, эпоха глобализации и постмодернизма «отказывается от глубин внутреннего и утверждает поверхность внешнего. Полагаться на собственный ум значит центрировать себя, пускать корень в почву. Постмодернизм децентрирует. Срубает корень, практикуя принцип ризомы. Не дуб, а выюнок символизирует новую социальность. А тысячи маленьких корешочков позволяют удержаться на поверхности этой социальности» [6, с. 52]. Варварство пронизало не только вертикальные и горизонтальные швы

социума, для многих варварство как стиль жизни является наиболее оптимальным способом реализации витальности, «выживания». Отдельно следует заметить сопутствующее угасание исторического сознания, проявляющееся в историческом нигилизме и падением субъективной значимости не только исторического знания, но и знания как такового вообще. Появляется тенденция к специализированному узкому прикладному знанию, польза от которого очевидна и прибыльна. Таковы, по всей видимости, является техническое знание в отличие от гуманитарного знания, в котором прогресс не очевиден поверхностному взгляду. Этот компонент дегуманизации сферы знаний особенно важен при изучении такого социального феномена как нового варварства.

Историческое сознание всегда являлось неотъемлемым атрибутом общественного сознания и матрицей единства. Именно историческое сознание удерживает каркас общества как единого целого, объединенного общей историей, общей исторической судьбой и общей исторической памятью. Историческое сознание – детерминанта устойчивости общества-системы в периоды нестабильности и вызова. Именно историческое сознание позволяет обществу сохранить социальное ядро, обеспечивая передачу традиции и связь времен, позволяет адекватно отвечать на эпохальные вызовы современности и своевременно обновляться, отбрасывая неработающие отжившие модели развития.

В свое время Эрих Фромм различал два модуса существования, «модус бытия» и «модус обладания». Говоря об истории, «быть в истории» и «обладать историей» (знанием об историческом факте) представляют собой различные экзистенциальные модусы. Применяя эти параметры к истории, «быть в истории» можно рассматривать как качественную характеристику, а «обладать историей» – количественную. Анализируя мыслителей прошлого, Фромм, так описывал эти модусы в приложении к знанию: «Оптимальное знание по принципу бытия – это знать глубже, а по принципу обладания – иметь больше знаний»[2, с. 49]. Количественный модус не сможет защитить цивилизационные устои от распада, если качественный модус не будет «включен» сознанием человека, благодаря которому человек сможет выдержать исторический груз и преодолеть заманчивость и простоту количественных модусов в повседневной практике жизни. Человек может быть «отключен» от истории – в силу ли сознательного пренебрежения и равнодушия, либо будучи объектом манипуляции заинтересованных политических кругов, либо по причине экзистенциальной лени, пренебрежения модусом «быть» в угоду модусу «иметь». Именно об этой экзистенциальной лени говорил Гераклит, утверждая, что «все спят». Очевидно, что экзистенциальное бодрствование само собой не дано человеку, эту способность необходимо обнаружить, а обнаружив, – неустанно развивать, и важным шагом на пути к этому будет развитие критического мышления. Способность критического осмысления начинается со способности подставить под сомнение не только слова родителей или предвыборные лозунги каких-либо политических сил, но и самого себя, само свое существование. Подобной способности необходимо учиться, пристально вглядываясь в прошлое, чтобы понять настоящее и увидеть горизонт будущего – и самое главное – увидеть себя, распознать свою онтологическую укорененность в социуме как субстрате истории.

Никакая историография не сможет гарантировать возникновение антропологического измерения исторического сознания как на личностном уровне, так и на групповом, потому что, как писал Хайдеггер, «никакое историографическое представление истории как последовательности происшествий не ведет к событию *включения в историю*, тем более не приближает к её сущностным истокам, которые таятся в событии истины бытия».[8, с.258]

Экзистенциальное усилие включения в историю будет означать проявленность бытия, и только в таком случае прогнозам о «конце человека» и превращения его в «социальный автомат» не суждено сбыться.

Негативные сценарии будущего социального развития, например, ставший уже притчей во языцех фукуямовский «конец истории» проступает сквозь полотно социальной реальности. Возможно, утратив надежду и отказавшись от поисков смысла истории и себя в ней, часть человечества, войдет в фазу постистории и постчеловека, тогда как другая её часть одичает в регрессе на уровень варварства и неоархаики. Тем не менее, существует и другая цивилизационная альтернатива – для тех, кто способен услышать «гул истории» и не впасть в беспамятство, для тех, кто способен противостоять вызову неоварварства и не предаваться забвению самих себя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории / Пер. с англ. сост. Огурцов А.П. — М. : Прогресс , 1991. — 736 с.
2. Фромм Э. Иметь или быть? / Э Фромм ; пер. Н. Войсунской. — М. : Мысль , 1990. — 336 с.

© **Каранфилова Е. В.**

3. Кара-Мурза А. А. Новое варварство как проблема российской цивилизации / А. А. Кара-Мурза. — М. : Радуга , 1995. — 211 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Избранные труды. / Х. Ортега-и-Гассет // пер с исп. ; сост., предисл. и общ редакция А. М. Руткевича. — 2-изд. — М. : Издательство «Весь Мир» , 2000. — 704 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопр. философии. — 1989. — № 3. — С. 15-23.
6. Гиренок Ф. Удовольствие мыслить иначе / Ф. Гиренок. — М. : Академический Проект , 2008. — 235с
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; Пер. с нем. В. Т. Клименко. — М. : Политиздат , 1991. — 527с. — (Мыслители XX в.)
8. Хайдеггер «Время и Бытие»: Статьи и выступления: Пер. с нем. — М.:Республика, 1993. — 258с
9. Мережковский Д. Грядущий Хам / Д. С. Мережковский — Л. : Издательство Ленинградского университета, 1991. — 272с.
10. Бердяев Н. А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы / Н. А. Бердяев. — Париж , 1969. — 270 с.
11. Панарин А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — М. : Изд-во ЭКСМО – Пресс, 2002. — 416с. (Серия «История России. Современный взгляд»)

Каранфилова Е. В. – старший преподаватель кафедры философии, политологии, психологии и права, ОГАСА

УДК: 100+153.35+158.1—

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена анализу проблемы изучения феномена творческой личности. Автор рассматривает такие характеристики творческой личности как креативность, одаренность, талант, гениальность.

Ключевые слова: творческая личность, творческий потенциал, творческая деятельность.

Стаття присвячена аналізу проблеми вивчення феномену творчої особистості. Автор розглядає такі характеристики творчої особистості як креативність, обдарованість, талант, геній.

Ключові слова: творча особистість, творчий потенціал, творча діяльність.

The article is devoted to the analysis of the problem of studying of the phenomenon of the creative person. The author considers such characteristics of the creative person as creativity, aptitude, talent and genius.

The keywords: the creative person, creative potential, creativity.

На сегодняшний день не вызывает сомнения тот факт, что построение демократического государства с высокоразвитой экономикой объективно обуславливает потребность развития творческой личности, способной к инновационной активности, что является гарантией ее успешной адаптации в современном мире. Глубокие социально-экономические преобразования, происходящие на Украине, предопределяют необходимость разработки теоретических и методологических основ формирования инициативной, творчески ориентированной личности. Процессы реформирования общества диктуют необходимость в большей степени уделять внимание формированию творческой активности личности, обладающей способностью эффективно и нестандартно решать поставленные задачи. В этой связи, актуальной является проблема изучения творчески активной личности, предусматривающая всесторонний анализ целенаправленного формирования творческой инновационной деятельности как важнейшего атрибута творчества.

В контексте данного исследования представляется естественным проанализировать логику развития различных философских взглядов на проблему творческой личности, систематизация которых могла бы привести к выделению целостных исследовательских парадигм, актуальных для нашего времени, и стать основанием для нового философского подхода к изучению творческой